

А. Н. Полосина

Тула, Россия

**ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА ЛЕПРЕНС ДЕ БОМОН
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА:
С. Т. АКСАКОВ и Л. Н. ТОЛСТОЙ**

Сопоставление текстов сказки «Красавицы и чудовище» в интерпретации Лепренс де Бомон, С. Т. Аксакова и Л. Н. Толстого является скорее потенциальным, хотя и ожидаемым объектом исследования. Разработка этой темы имеет три подхода: биографический, историко-культурный и источниковедческий. Биографический аспект подразумевает изучение образов авторов сказки «Красавица и чудовище» в контексте целей и причин обращения к этой теме Лепренс де Бомон, С. Т. Аксакова и Л. Н. Толстого. Историко-культурный подход предполагает исследование ассоциирующейся с именем Лепренс де Бомон традиции литературной сказки в творчестве этих писателей, а также подскажет причину востребованности сюжета 425 С по системе Аарне-Томпсона в европейской литературе. Источниковедческий ракурс применим только к Толстому, ибо источник его текста «Ореховая ветка» единственный в отличие от двух других, давно осмысляющихся в литературоведении, до настоящего времени еще не был раскрыт. Взаимосвязанность этих подходов очевидна.

Ключевые слова: морфология, сказка народная и литературная, мораль, воспитание, перевод.

В XVII–XVIII вв. во Франции было немало прекрасных дам – писательниц, прежде знаменитых, но забытых в наше время, которых последующее поколение ценило как авторов второго или третьего ряда. Это – мадам де Севинье, мадам де Лафайет, мадам де Ментенон, мадам Дезульер, мадам д’Онуа, Мадам де Жанлис, мадам Лепренс де Бомон и др.

Из них только две стали одними из первых французских детских писательниц: мадам д’Онуа и мадам Лепренс де Бомон. Мадам де Жанлис также сделала переработку знаменитого сюжета о «Красавице и чудовище», которая успеха не имела. Мадам д’Онуа принадлежала к лучшему периоду XVII в., мадам Лепренс де Бомон – XVIII в. Первая без труда выдерживала сравнение с Шарлем Перро и Жаном де Лафонтеном. Стиль ее произведений отличался доброжелательностью, беспечностью, острой пылкостью и изысканной естественностью, не без легкой погрешности. Именно мадам д’Онуа первая во Франции ввела в литературу

Полосина Алла Николаевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Толстого “Ясная Поляна”» (п/о Ясная Поляна Щекинского района Тульской области, 301214, Россия; alla.polosina@tgk.tolstoy.ru; +7 (487 2) 23 98 32)

ру обработку фольклорной сказки. Она писала классические сказки, а Вильнёв и Лепренс де Бомон – морализаторские, нравоучительные. Действительно, французские сказочники были тонкими психологами. Чудесное в их творениях глубоко дидактично и морально. Сказка должна «учить, развлекаая», она могла быть руководством в жизни: герой обязан честно исполнять свой долг; порок должен быть наказан, добродетель вознаграждена. Однако сказки писались не для детей [1, с. 20]. Хотя «Журналы» Лепренс де Бомон – это адаптация для девочек «взрослой» литературы, т. е. едва ли не первые попытки такого рода.

В волшебных сказках авторы XVIII в. стремились выразить суть человеческой природы и предложить читателю моральные поучения. Они проповедовали нравственные принципы: истинная добродетель творит добро, ненавидит порок, страдает слабому, утешает и соединяет людей [1, с. 25]. Лепренс де Бомон, как убежденный педагог, сочиняла свои книги с твердым убеждением просвещать и совершенствовать своих читателей. Ее стремление к естественному воспитанию, не сковывающее природные задатки детей, предвосхитило педагогические идеи Руссо, изложенные в «Эмиле». Не исключено, что именно с этой целью она писала свою сказку «Чудовище и красавица». В многотомных дидактических сочинениях все ее сказки перемешаны с наставлениями и составлены для иллюстрации моральной истины. И одна из ее сказок заслуженно стала знаменитой.

Педагогический опыт Лепренс де Бомон воплотился в сборниках «Журнал для девочек» (*Le Magazin des Enfants*, 1756) и «Журнал для юных девиц» (*Le Magazin des Adolescents*, 1860). Оба журнала построены в виде диалогов для школьного обучения, в которых гувернантка «мадам Нравственность» наставляла юных учениц, среди них «мадемуазель Дерзкую», правилам хорошего тона и разумного поведения. Не исключено, что многое из реального опыта общения писательницы с ее ученицами вошло на страницы книги без особых изменений. Но мадам Лепренс де Бомон прежде всего моралистка. Она пишет, что до конца дней будет неустанно повторять, что «воспитание состоит не в приобретении или совершенствовании способностей и не в придании внешнего лоска: а ведь даже самые лучшие воспитатели зачастую ограничиваются этим. Мы должны воспитывать в пятнадцатилетней девочке женщину-христианку, любящую супругу, нежную мать, бережливую хозяйку, члена общества, который сможет принести пользу и удовольствие» [2, с. 614–615].

Стремление привить читательницам, помимо общих добродетелей, мелкие практические достоинства, проникнуты не только беседы гувернантки из «Журналов» с ее «воспитанницами из благородных семей», но и многочисленные сказки, которые приведены на страницах этих книг как воспитательницей, так и воспитанницами. «Красавица у Лепренс де Бомон скромна, добра, великодушна – она рано встает, не плачет даже в большом горе, не отказывается ни от какой работы» [2, с. 616].

Как известно, «Красавица и чудовище» – одна из самых известных французских сказок. Ее основная идея – преимущество добродетели перед красотой.

Этот хорошо известный в фольклоре и в литературе сюжет (№ 425 С по указателю Аарне-Томпсона) [3, с. 34] уходит во II в. до н. э. к истории Купидона и Психеи из «Метаморфоз» Апулея. Он входит в роман «Золотой осел» и его часто называют сюжетом «Амур и Психея» [4, с. 129–131]. Впоследствии сюжет о красавице и звере лег в основу сказок французских писательниц XVII–XVIII вв. и получил у них свой, личный оттенок. Они использовали сюжеты о волшебных превращениях и метаморфозах. Мадам д’Онуа «Кабанчик» (*Le Marcassin*, 1697), «Барашек» (*Le Mouton*, 1697), «Зеленый змей» (*Le Serpentin vert*, 1698). Данный сюжет встречается в сборнике Дж. Страпаролы «Приятные ночи» (*Le piacevoli notti*, 1550–1553). Но только Лепренс де Бомон сделала эту сказку известной

во всем мире. Непосредственной ее предшественницей была мадам де Вильнёв (*La Jeune americaine, et les contes marins*, 1740). Ее сказка имеет то же заглавие, что и у Лепренс де Бомон, и они обе весьма близки по содержанию. Спустя пятнадцать лет сокращенный вариант де Вильнёв был опубликован Лепренс де Бомон (день 3-й, диалог 5-й). Каждая современница создала свою версию сказки, но мадам Лепренс де Бомон в заимствовании у мадам де Вильнёв не призналась. В Европе сюжет этой сказки разрабатывался немецкими филологами братьями Гримм («Певун и прыгун-жаворонок»), в России С. Т. Аксаковым («Аленький цветочек») [5, с. 145] и Львом Толстым («Ореховая ветка»). Кроме этого, у Пушкина в поэме «Руслан и Людмила» имеются элементы всего сюжета.

«Сказку ключницы Пелагеи “Аленький цветочек”» С. Т. Аксаков, по собственному признанию, слышал в детстве «не один десяток раз». Затем текст ее был забыт, и уж много лет позже в сознании писателя начался процесс творческого воссоздания этой сказки [3, т. 1, с. 594]. История создания самого «фольклорного» из произведения Аксакова – сказки «Аленький цветочек» эксплицитно изложена в письме к сыну Ивану: «Я теперь занят эпизодом в мою книгу: я пишу сказку, которую в детстве я знал наизусть и рассказывал на потеху всем со всеми прибаутками сказочницы Пелагеи. Разумеется, я совсем забыл о ней; но теперь, роясь в кладовой детских воспоминаний, я нашел во множестве разного хлама кучку обломков этой сказки, а как она войдет в состав “Дедушкиных рассказов”, то я принялся реставрировать эту сказку» [6, т. 1, с. 594]. Иван Аксаков отвечал отцу: «...как я рад, что вы пишете дедушкины рассказы и сказку Пелагеи. Я уверен, что это будет превосходная вещь, которой сужден огромный успех» [6, т. 1, с. 594]. В сказке будущему писателю показалось «стоящим вниманья» «странное сочетание восточного вымысла, восточной постройкой и многих, очевидно, переводных выражений, с приемами, образами и народною нашею речью» [6, т. 1, с. 468].

Французская сказка стала известна простой русской крестьянке Пелагее, не умевшей ни читать, ни писать, благодаря устной традиции. Детство и юность ее прошли в Астрахани, где жители Востока распространяли особое «пристрастие к слушанию и рассказыванию сказок» [7, с. 181]. Именно там Пелагея вобрала в себя весь сказочный репертуар, в состав которого входили русские, арабские, персидские народные сказки, в том числе «Аленький цветочек». В долгие зимние вечера из ее уст маленький Аксаков наслушался сказок. Впоследствии он прочел сказку «Красавица и Зверь» в «Детском училище» Лепренс де Бомон в переводе на русский язык. «С первых строк, – пишет он, – показалась она мне знакомою и чем далее, тем знакомее; наконец, я убедился, что это была сказка, коротко известная мне под именем: “Аленький цветочек”, которую я слышал не один десяток раз от нашей ключницы Пелагеи» [6, т. 2, с. 35]. Еще через несколько лет он пришел в Казанский спектакль слушать оперу Андре Гретри «Земира и Азор», и оказалось, что это был опять сюжет «Аленького цветочка».

Попутно отметим, что Толстой познакомился с Аксаковым в 1856 г. В 1857 г. он присутствовал на чтении отрывка из «Детских годов Багрова-внука» [8, т. 47, с. 235]. А в дневнике писатель выразил с особой похвалой свои впечатления: «Чтение у С. Аксакова. “Детство” прелестно!» [8, т. 47, с. 74]. В письме к критику В. П. Боткину даны подробности его оценки «Семейной хроники» и «Детских годов Багрова-внука»: «Слышал я две замечательные литературные вещи: Воспоминания “Детства” и “Доходное место” Островского. Первая вся мне показалась лучше лучших мест “Семейной хроники”. Нету в ней сосредоточивающей, молодой силы поэзии, но равномерно сладкая поэзия природы разлита по всему, вследствие чего может казаться иногда скучным, но зато необыкновенно успокоительно и поразительно ясностью, верностью и пропорциональностью отражения» [8, т. 60, с. 156]. Интерес к «Семейной хронике» сохранился у позднего Тол-

стого. В 1891 г. по вечерам он читал детям вслух «Семейную хронику» [8, т. 84, с. 71].

В яснополянской библиотеке сохранилась книга С. Т. Аксакова «Семейная хроника и воспоминания», и Толстой мог прочесть сказку «Аленький цветочек» именно в этом издании [9, с. 29].

Сказка была впервые напечатана Аксаковым в 1858 г. в приложении к книге «Детские годы Багрова-внука», чтобы, по признанию самого автора, не прерывать рассказа о детстве.

Сказка Аксакова имела в России большой читательский интерес. Так, И. С. Тургенев в письме к одному из издателей еженедельной газеты «Неделя», Е. И. Рагозину 18 (30) ноября 1880 г. пишет, что «получил <...> письмо и “Аленький цветочек” Аксакова – который есть не что иное, как переделка известной сказки. *La Belle et la Bête*» [10, кн. 2, с. 12].

Проникновение французской литературной сказки в русскую литературу и фольклор было явлением типичным. «Сказка, подобная “Аленькому цветочку”, в России до Аксакова уже существовала в фольклоре. Например, не позднее 1830-х гг. подобная сказка была записана В. И. Далем. Она вошла в VII выпуск “Народных сказок” А. Н. Афанасьева» [11]. Как известно, сказка «Заклятый царевич», имеющая некоторое сходство с «Аленьким цветочком», увидела свет в 1863 г. именно в седьмом выпуске [12, с. 68].

По указателю Аарне-Томпсона, сказка «Аленький цветочек» рассматривается как ответвление 425 типа волшебных сказок «Поиски потерянного мужа», где муж или жених превращен волшебниками в чудовище [3, с. 132]. «Красавица и чудовище» Лепренс де Бомон, «Аленький цветочек» Аксакова и «Ореховая ветка» Толстого относятся к подтипу 425 С. Его особенность – в счастливой концовке. Если сказка типа 425 была распространена по всей Европе, в Сибири, на Филиппинских островах, на островах Гаити, Мартиники, Антильских, в Бразилии, то подтип 425 С встречается только у французских писательниц середины XVIII в. мадам де Вильнёв, мадам де Жанлис, а также в позднем фольклоре: русском, немецком [13, S. 152] и греческом [14]. Кстати, в русском фольклоре в 1970-х гг. было известно семнадцать вариантов сказки типа 425 С [15, с. 132].

При сопоставлении сказок Вильнёв, Лепренс де Бомон, Аксакова и Толстого видны совпадения. У Вильнёв, Лепренс де Бомон и у Аксакова авторы сказку рассказывают: у Вильнёв – сказительница старушка, развлекающая одну семью, следующую на корабле из Франции в Вест-Индию, у Лепренс де Бомон – мадемуазель Бонна, рассказывающая сказки в воспитательных целях для детей из аристократических семей, у Аксакова – ключница Пелагея. В толстовской сказке сказительница отсутствует.

Ответвлением первоначального сюжета от «Красавицы и чудовища» представляется сказка «Ореховая ветвь», известная еще в XVII в. как «Золотая ветвь» в интерпретации графини Д'Онуа (1698). В ее сказке вместо розы фигурирует ореховая ветка, вместо Зверя – медведь, вместо дворца – пещера в лесу. Конеч сказки традиционный: медведь расколдован и превращается в князя. История заканчивается свадьбой. Особенности литературной сказки, по сравнению с народной, – это большая раскованность и свобода в интерпретации традиционных мотивов, а также печать авторской индивидуальности. Кроме этого, сказка тесно связана с мировоззрением автора и несет приметы исторической эпохи, в которую он жил и творил.

Сказка «Ореховая ветка» написана Толстым в связи с его просветительской деятельностью в 1872 г. [8, т. 21, с. 80–81] для «Четырех русских книг для чтения» к «Азбуке». Это индивидуализированная авторская переработка сказки о князе-

медведе. Она структурно совпадает со сказками «Аленький цветочек» и «Певун и прыгун-жаворонок» братьев Гримм. Отметим мимоходом, что в яснополянской библиотеке имеются несколько поздних изданий «Сказок» братьев Гримм на русском языке (СПб., А. Ф. Маркс, б. г.), а также несколько изданий на немецком (Berlin: Ferd. Dümmler; Hargwitz und Goßmann, 1881 и Berlin: Ferd. Dümmler; Hargwitz und Goßmann, 1884), которые, вероятно, были приобретены для младших детей.

Но больше всего общих мотивов со сказкой д'Онуа «Золотая ветвь» (*Le Rameau d'or*), даже в заглавии. Если у французской писательницы заглавие – «Золотая ветвь», то у Толстого «Ореховая ветка» (*Une branche du noisetier*) с «золотыми орехами», у д'Онуа – «пещера», у Толстого – «тёмный подвал». Словом, Толстой ориентировался в содержании на д'Онуа, а стилистически – на фольклорные образцы в стиле народных сказок.

Отметим в скобках, что для «Азбуки» Толстой написал волшебную сказку «Уж», которая вошла во «Вторую русскую книгу для чтения». Ее источник [16] восходит к персидской сказке «Змеинный царь» и представляет собой контаминацию мотивов из разных типов сказок, по «Указателю сказочных сюжетов по системе Аарне Н. П. Адуреева – АТ 425 С [3, с. 34]: I – выходит замуж за царя змей; II – теряет мужа; IV – поиски потерянного мужа. В персидской сказке конец счастливый. В прибалтийском фольклоре имеются латышский и литовский варианты сказки «Змеинный царь». В латышской сказке «Ужова невеста» одна из трех девиц выходит замуж за царя морского. Вскоре она просит отпустить ее с детьми погостить у матери и через три недели возвращается в море вместе с детишками [17, с. 216–218]. Эта история со счастливым концом. В литовской сказке «Ель – королева ужей» девушка выходит замуж за ужа, уходит с детьми навестить родителей, ее братья губят ужа, она ищет потерянного мужа, конец трагический: жена и дети гибнут и превращаются в деревья [18, с. 79–84].

Героиня сказки Толстого «Уж» Маша носит традиционное имя русских народных сказок, Ужа зовут Осип. В названии сказки Толстой следует персидской традиции, дабы подчеркнуть мужское начало: главный герой сказки мужчина, а не женщина; в прибалтийских вариантах сказка названа по имени героинь: «Ель – королева ужей» и «Ужова невеста». Писатель мог заимствовать сюжет из литовской версии персидской сказки «Змеинный царь», которая схожа с толстовским вариантом и отличается от персидской и латышской. Сохраняя основную структуру сказки, толстовский и литовский варианты типологически схожи между собой: русская Маша и литовская Ель выходят замуж за ужа, обе теряют и ищут его. Узнав о гибели мужа, Маша превращается в кукушечку, а ее дети – в ласточку и соловейчика. «И они все разлетелись в разные стороны» [8, т. 21, с. 184]. В литовской сказке Ель – королева ужей и ее дети превращаются в деревья: мать – в ель, сыновья и дочь – в дуб, ясень, березу и осину.

В силу закона перемещаемости, о котором Владимир Пропп упоминает в работе «Морфология сказки», «сказки обладают одной особенностью – составные части одной сказки без всякого изменения могут быть помещены в другую сказку. Это закон перемещаемости, специфическая особенность каждой волшебной сказки» [19, с. 9].

Переводчики

В России, начиная с 1760-х гг., детский журнал Ж.-М. де Бомон, в который вошла сказка «Красавица и Зверь», пользовался большой популярностью и был широко известен, благодаря многочисленным переизданиям книги на французском языке. Одновременно, ее книги активно переводились на русский язык.

Одним из первых переводчиков был М. И. Сусальников, в монашестве – Макарий. Он опубликовал, выполненный под его руководством перевод двух сочинений «Наставления детям в законе веры, предложенное в кратких и простых между отцом и сыном разговорах» и «Новый мантор, или Наставления отрокам в вере и благонравии, так и в других полезных и свойственных возрасту их». Это перевод трех томов «le Menteur moderne, ou Instruction pour les garçon et pour ceux qui les élèvent» (1772)¹. В его переводе в отличие от оригинала имеются сведения, приведенные в учебных целях, из русской грамматики, истории и географии.

Генерал-поручику и белгородскому губернатору П. С. Свистуну, принадлежит перевод «Детского училища» в 4 томах. В обращении к читателю он подверг сомнению «обычай», лишаящий женщин «разных для просвещения разума изобретенных способов», словно они – «бесполезные обществу члены, которые сего попечения не стоят». По собственному признанию, Свистун приспособил французский труд (в котором находил много «разума и приятности») для своих соотечественниц, переименовав место действия и переименовав действующих лиц, а также добавив ряд сведений о России. В 1776 и 1788 гг. «Детское училище» было переиздано без ведома переводчика в Академической типографии. Это была незаконная перепечатка.

В 1788 г. помещик подпоручик Е. П. Рунич перевел с французского «Наставление молодым господам, вступающим в свет и брачные союзы, служащее продолжением Юношескому училищу, где изъясняются должности как в разсуждении их самих, так и в разсуждении их детей» (М.: В Университетской тип. у Н. Новикова).

Н. И. Плещеева (урожденная Протасова), мать друга В. А. Жуковского А. А. Плещеева, перевела с французского «Училище бедных, работников, слуг, ремесленников и всех нижнего класса людей, сочинения г-жи Ле-Пренс де Бомонт» (ч. 1–2. М., 1808, 2-е изд. 1834) [20, т. 5, с. 575]. Еще в годы юности на страницах редактируемого «Вестника Европы» В. А. Жуковский в рецензии на перевод Плещеевой книги мадам Ле-Пренс де Бомон «Училище бедных» попытался изложить свою программу образования для простолюдинов. Подробно говоря о формировании специальной библиотеки для поселян и ремесленников, о необходимости иметь «Академию для просвещения простолюдинов», автор пишет: «Желаем искренно, чтобы <...> наконец, в России и самые хижины земледельцев сделались жилищем людей образованных, следовательно, счастливых и знающих цену своего счастья!» (Вестник Европы. 1808. Ч. 42, № 21. Ноябрь). Через двадцать лет он возвращается к этой проблеме, во многом предвосхищая идеи Льва Толстого. А герой «Переписки», думающий о создании «народной школы», и герой «Подмосковной деревни», излагающий в специальном журнале свою программу воспитания, – предшественники яснополянского помещика [21, с. 113].

П. И. Фонвизин (1744/1746–1803), младший брат писателя Дениса Фонвизина, прославившийся как переводчик «Нравоучительных сказок» Ж.-Ф. Мармонтеля, перевел из «Le nouveau magasin françois» Лепренс де Бомон «Рассуждение о том, что надежда есть такое благополучие, которого достоинство нам не довольно известное»².

В России дворянкам, читающим по-французски, могли быть известны идеи воспитания мадам де Жанлис по ее роману «Adèle et Théodore ou Lettres sur l'éducation» (1781). В связи с этим небезынтересно, что мать Толстого, графиню М. Н. Толстую, подобно героине из упомянутого романа Жанлис, больше всего занимали проблемы этики и морали. В 1824 г. она, переводила с французского

¹ См.: <http://www.pushkinskijdom.ru/>.

² Там же.

языка «Магазейн бедных, ремесленников, работников, слуг и деревенских жителей» Лепренс де Бомон и усваивала одновременно нравственные истины и наставления некоей г-жи Доброй простым людям в законе божьем. Она также сделала из книги выписки, и озаглавила ее «Наставление о законе христианском, выработанное из Магазейна бедных», очевидно, желая использовать у себя в Ясной Поляне [22, с. 175] для воспитания своих детей.

Лепренс де Бомон была настолько известна и популярна в России, что «“Разговоры Эмили” Луизы д'Эпине (Louise d'Épinau), собрание изящных, живых диалогов матери со своей юной дочерью, при первом переводе на русский в 1784 г. были приписаны именно ей и названы “Училищем юных девиц” в подражание названиям ее работ в переводах на русский язык. В этой путанице – кричащая ирония, так как феминистка д'Эпине, известная своей полемикой с Дидро о правах женщины, сама, в отличие от Лепренс де Бомон, продолжала традицию “ламбертианской модели” женской автономности в браке» [23, с. 83].

В яснополянской библиотеке Толстого с XVIII в. сохранилось несколько разрозненных томов Мари Лепренс де Бомон: «Contes moraux» (Lyon: Pierre Bruyset-Ponthus, 1774.); «Éducation complète, ou Abrégé de l'histoire universelle, mêlé de géographie & de chronologie» (La Haye: Pierre Gosse junior & Daniel Pinet, 1763) и «La Nouvelle Clarice (Lyon: Pierre Bruyset-Ponthus, 1767) [9, с. 660].

Как известно, сказка – это могучий источник воспитания, развивающий поэтическое чувство, фантазию, высокое представление о нравственности [24, с. 34]. Один из признаков сказки в том, что в действительность рассказанного никто не верит. Это заметил еще В. Г. Белинский. Сравнивая былинку и сказку, он писал: «В основании в <...> [сказке] всегда заметна задняя мысль, заметно, что рассказчик сам не верит тому, что рассказывает, и внутренне смеется над собственным рассказом. Это особенно относится к русским сказкам» [20, т. 4, с. 186].

Список литературы

1. Французская литературная сказка (XII–XX вв.). М.: Радуга, 1983.
2. Французская литературная сказка (XVII–XVIII вв.) / Сост. М. В. Разумовская, коммет. В. Мильчиной. М.: Радуга, 1983.
3. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе А. Аарне. Л.: Изд. Гос. рус. геогр. об-ва, 1929.
4. Пропи В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1996.
5. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск, 2008.
6. Аксаков С. Т. Семейная хроника и воспоминания. М., 1856.
7. Бегунов Ю. К. Источники сказки С. Т. Аксакова «Аленький цветочек» // Русская литература. 1983. № 1.
8. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. («Юбилейное»): В 90 т. М., 1928–1958.
9. Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание: Книги на русском языке: В 2 ч. М.: Изд. Дом «Ясная Поляна», 1972. Ч. 1.
10. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л.: Наука, 1961–1968.
11. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. СПб., 1863. Вып. 7, № 15.
12. Савченко С. В. Русская народная сказка (История собирания и изучения). Киев: Тип. Ун-та св. Владимира, 1914.
13. Die Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Berlin, 1957.
14. Megaw G.-A. Das Märchen von Amor und Psyche in der griechische Volksüberlieferung. Athen, 1971.

15. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Изд. Гос. рус. геогр. об-ва, 1979.
16. *Полосина А. Н.* Источники сказок Л. Н. Толстого «Три медведя» и «Уж» из «Азбуки» и «Русских книг для чтения» // Материалы VI Междунар. семинара переводчиков. Ясная Поляна, 2012. С. 31–44.
17. Латышские народные сказки. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1957.
18. Литовские народные сказки. Вильнюс: Vaga, 1965.
19. *Пропп В. Я.* Морфология сказки. М.: Наука, 1969.
20. *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1979.
21. *Янушкевич А. С.* Путь В. А. Жуковского от русской идиллии к русской повести: деревенский топос // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2013. № 1.
22. *Заборова. Р. Б.* Архив М. Н. Толстой (новые материалы) // Ясн. сб. 1910–1960. Тула: Приокское кн. изд-во, 1968.
23. *Келли К.* Воспитание Татьяны: нравы, материнство, нравственное воспитание // Вопросы литературы. 2003. № 4.
24. Зарубежная детская литература. М.: Просвещение, 1982.

A. N. Polosina

Tula, Russian Federation

**THE PERCEPTION OF WORKS OF LEPRINCE DE BEAUMONT
IN RUSSIAN LITERATURE OF XIX CENTURY:
S. T. AKSAKOV AND L. N. TOLSOY**

The comparison of texts of a fairy tale «Beauty and the beast» interpreted by Leprince de Beaumont, Serguey Aksakov and Leo Tolstoy is more a potential subject of inquiry though an expected one. The development of this topic has three approaches: biographic, historical and cultural, and source studying. Biographic aspect implies study of images of authors of the fairy tale «Beauty and the beast» within the context of purposes and reasons of address to this topic by Leprince de Beaumont, Serguey Aksakov and Leo Tolstoy. Historical and cultural approach supposes a research of literature tale tradition associated to the name of Leprince de Beaumont in works of these writers, and will also explain the reason of demand for a plot 425 C according to Aarne-Thompson method in European literature. Source studying approach is applicable only for Tolstoy, as far as the source of his text «Branch of nutwood» has not yet been developed unlike the two others which have been interpreted in literature for a long period of time. Interconnection of these approaches is obvious.

Keyword: morphology, folk tale, literature tale, moral, education, translation.

Polosina Alla N. – candidate of philology, senior researcher of the State Memorial and Natural Preserve «Museum-estate of Leo Tolstoy «Yasnaya Polyana» (Yasnaya Polyana, region of Tula; 301214, Russian Federation; alla.polosina@tgk.tolstoy.ru; +7 (487 2) 23 98 32)